
МАРИНА СТРУКОВА

ЧУВСТВО ДОЛГА, ЗАБЫТОЕ

В атмосфере вокзалов есть что-то мистическое, людские потоки пронизаны энергетикой стремления к лучшему, надеждами, предвкушением личных открытий, просто встреч с близкими и родными краями. Но на мировом сквозняке, не включенные в движение жизни, сидят на ступенях и бордюрах бродяги, бомжи...

Однажды летним вечером я приехала к Ленинградскому вокзалу. Сияли пёстрые витрины с дешёвой мелочью, необходимой в дороге, кассетами и дисками DVD, я выбирала очередной фильм и вдруг заметила какую-то суету у киоска, откуда гремела музыка. К нему из закоулков сбредались люди с опухшими пропитыми лицами и в засаленном рванье, вот они встали в круг, стали топтаться на одном месте, и я поняла, что они танцуют. Это была омерзительная “дискотека” времён русского Апокалипсиса.

Под незамысловатую песенку о розах и поцелуях трясла оборванным подолом женщина лет тридцати с сизым опухшим лицом, по которому, казалось, долго били кирпичом. Качался из стороны в сторону страшный обросший мужик. Подпрыгивали парни в спортивных штанах, отвисших на коленях, в куртках, вымазанных извёсткой и ещё чёрт знает чем. Все они были знакомы друг другу. Все были ещё молоды и хотели урвать крупицу радости у судьбы. На них никто не обращал внимания, они быстро утомились и разбрелись кто куда, попрошайничать и воровать... Несомненно, у каждого из них была в прошлом нормальная жизнь и тот миг, когда они переступили за её грань в болото городского дна. И помогла им в этом легендарная русская водка.

Я встречала на своём пути много никчёмных мятущихся людей на разных стадиях их падения, ищущих утешения во хмелю. Не питая, как русский человек, ханжеского отвращения к спиртному, я всё же не понимала тех, кто делает алкоголь основой своего существования. От начинающего выпивохи из околобогемной тусовки до последнего “синяка” из подворотни. Я слышала, что малолетние скины забивают таких насмерть, потому что считают позором и “балластом” нации. “Руси есть веселие – пити, не можем без того быти”, – вполне справедливо заметил князь Владимир, отсылая прочь проповедников ислама. Но пить тупо, постоянно, и всё, что горит, – это не по-русски.

Спора нет, сегодня у большинства российской молодежи нет духовной опоры, то, что люди видят по телевизору, не учит достойно преодолевать проблемы, не даёт правильных ориентиров. Но в их бедах государственная система виновна лишь отчасти, многие деградируют по собственной душевной слабости, каждый может найти оправдание своему пороку. Я слышала, как один пристрастившийся к спиртному интеллигент обвинял в собственных запоях евреев – мол, не может он видеть их по телевизору, читать в прессе. По утрам я вижу роющихся в урнах пьяниц, и вдруг узнаю, что у всех у них есть квартиры. Появилась мода заявлять, что из-за квартирных афер разных фирм люди попадают на улицу, теряя жильё. В реальности же многие сами руют се-

бе могилу. Пьяный бродяга – это апогей мещанства, пустой сосуд, тщасься заполнить себя водкой, но та испаряется, оставляя смрад разочарования. Когда мне, снимающей чужие углы, не имеющей возможности накопить на дом, знакомый с московской квартирой жалуется, что запил из-за какой-то абстрактной неудовлетворенности жизнью, у меня возникает лишь раздражение такой инфантильностью. . .

Мой знакомый симпатяга-панк, сочинявший дивные песни, лежал сутками на диване и курил, из “беломорин” он вытряхивал табак и аккуратно наполнял их “травкой”. Друзья любили его песни под гитару, слушали их часами. Когда я советовала ему предложить свои кассеты студиям звукозаписи, он благодушно отвечал: “Не суетись, всё произойдёт само собой, я верю в судьбу”. Он ничего не сделал для того, чтобы реализовать свой талант, пил, попал в тюрьму за хулиганство.

Соседка по одному из общежитий восторженно рассказывала: “И тогда я увидела искрящийся радужный водопад, я стояла среди этого сверкающего потока, где цвет переходил в мелодию, а мелодия в аромат цветов”. Молодая женщина нюхала героин, к счастью, денег на него не хватало, иначе подседа бы основательно. Она уже забросила пятилетнего сына, на моих глазах расслепилась с мужем. . . Были мои знакомые прекрасными людьми, но у них не было никакой цели, а если и была, то лишь на словах. И вместо того чтобы что-то сделать, они предпочитали “скинуться” на бутылку и пустить по кругу “косяк”. . .

Скажу о том, что ближе мне лично. В чём смысл жизни поэта, писателя, музыканта? Дать определенный позитивный заряд человеку, обществу в целом, вдохновляя на подвиги, самосовершенствование, в конце концов, просто приносить людям радость своими творениями, интеллектуальное наслаждение.

А если творческий человек гордо заявляет, что пишет только для себя, и действительно не лжёт, в конце концов, он оказывается один на один с пустотой.

Говорят, что русская деревня спивается. Я уже писала о том, что алкоголизм городской отличается от деревенского тем, что пьяница-горожанин – бездельник, побирающийся или живущий в долг. А деревенский любитель сорокоградусной – всегда хозяин, с домом, скотиной в хлеву, огородом, где он сажает и убирает картошку. Перед зимой он рубит дрова, чтобы не замерзнуть в нетопленной хате, летом едет на сенокос. Да и пьянство его – сезонное, когда поля не требуют обработки, убран урожай. Мужик чувствует, что он нужен этому полю, огороду своему, и он без них пропадёт, это держит непутёвого в более-менее сознательном состоянии. Он – самостоятелен. А городской пьяница, протянув руку, ждёт, когда упадет в неё десятка, а то и сотня от сердобольного прохожего. Но у него нет ничего, что он считал бы своим, это и обрекает на гибель. Сколько раз видели вы замерзшего, валяющегося на асфальте оборванца. . .

Не чувствует себя ненужным фермер, глядя на волнистые золотые поля. Учительница, встречающая на пороге школы первоклашек с сияющими глазами. Солдат, зачищающий аулы от боевиков. Редактор скромной районки, ставший одним из атаманов Войска Донского, чтобы возродить казачество в родном краю. И вот я узнаю, что в его организацию стала вступать молодёжь. Из-за этого парни, конечно, не перестанут выпивать по праздникам, но они по-другому чувствуют себя, гордые, в камуфляже или в чёрной форме; они возвысились душой до понятия служения Родине, народу, вдруг стали спрашивать своих родителей о том, не было ли у них в роду казаков, а в сундуках отыскивались старинные регалии, бережно спрятанные прадедовские погоны, медали. И стали поистине семейными реликвиями полуистлевшие фотографии, где предки в форме Войска Донского. У ребят в жизни появилось что-то Великое. И выпивка уже не так тянет, да и не к лицу пьянство казаку. Но атамана не понимают многие: “Зачем нам это? Что за блажь – возрождение казачества? Если бы вам за это платили. . .”. Многим не понять, что если бы жив был дух казачества в этом краю, не зарастали бы пашни бурьяном, не скупали бы их за гроши заезжие чужаки с Кавказа.

В большом количестве ничёмных мятущихся людей на Руси я виню забытое чувство Долга. Долга перед Родиной и своим родом. Чувство долга важнее любви, веры, надежды. Бывает, любовь убивают равнодушие и непонимание любимых. Иногда кажется, что Бог не слышит. Порой невозможно уже надеяться на то, что смирившийся народ воспрянет. Но тогда остаётся чувст-

во долга! И не надеющийся на победу солдат разбитого полка всё равно встаёт из окопа, чтобы броситься с гранатой под танк.

Когда матери продают детей “на органы” или в бордели. Когда врачи только и думают, как бы содрать с больного побольше денег. А священник заявляет прихожанину, обратившемуся за советом: “У меня нет времени”. Разве не отсутствие чувства долга за всем этим кроется?

Что говорить о простых обывателях... если даже те, кто считается чем-то вроде элиты, на деле готовы продать народ. Вот к молодому лидеру некоего патриотического Союза приходит человек из спецслужб и говорит: “Мне приказано вас курировать”, и “лидер” сажает его в своём штабе. Вот любая партия готова “отдаться” Кремлю за определённую сумму. А вот “Русский марш”, долженствовавший показать единство нации, амбициозные партийные лидеры призывают проводить в чуть ли не десяти разных местах, — нет у меня уже ни доверия, ни уважения ни к своим, ни к чужим. Осталось только чувство долга перед Родиной, тем живу.